

Виктор Цененко

Элла и звёзды

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Цененко

Элла и звёзды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330330

SelfPub; 2024

Аннотация

Элла устала, она не знает, куда идёт, всё вокруг теряет яркость и смысл. Её преследует что-то на грани реального и потустороннего. И она очень скучает по своим старикам...

Виктор Цененко

Элла и звёзды

Эллочка, Элчушка, Элька или Иксэлька. Кто как ее называл. Эллочка – в средней школе, учительница по русскому. Видит Элли, Элла с ней здоровается, и она: «Здравствуй, Эллочка» всегда с улыбкой. Бабушку той самой учительницы звали Элла. Давно уже бабушки не было, учительница с любовью вспоминала ее, и имя это всегда немножко грело ее уставшее, за тридцать лет работы, учительское сердце. Оно, кстати, не так давно перестало биться, но об этих двух фактах Элла не знала. Первый не знала, потому что никогда не общалась так лично с учительницей, а второй – она после школы переехала в другую часть Ростова и как-то резко вообще забыла всех, кто с ней учился и тех, кто учил, потеряла с ними связь.

Элчушка и Элька с Иксэлькой – имена от подружки Маши, которую Элла в ответ называет просто Шама, Ваша, Мыша.

Мама всегда обращалась к ней «Элла» или «дочь», никогда не понижая имя своего ребенка до уменьшительных и ласкательных форм.

Эличка и малышечка – так ласково называла ее бабушка. Называла и в пять лет, и в четырнадцать, и в двадцать пять.

Элла задремывала на рабочем месте, в неудобном кресле

у штурвала ноутбука, и чего-то ей это все наплыло в голову, кто и как ее называл. Она буквально услышала, как ее позвали «Эличка», ласково так и по-теплому. Бабушка, дедушка... Сколько она у них провела будних, праздников, каникул, а? И столько всего пошло вспоминаться. А потом мысль да труднее вспомнить что-то из детства БЕЗ бабушки и дедушки. Все время они рядом. Мама там, папа сям – работают, мотаются, ругаются и мирятся, а старики, которые тогда были еще не такие и старые, заботятся об Элле, она нередко остается у них неделями – малюсенькая, маленькая, повзрослее. Бабушка учит с ней уроки, балует сладеньким, они ходят в парк, читают книжки. Дедушка тоже водит на прогулки, вместе они бредут на рынок за продуктами, куда по делам – за квартиру заплатить, где-нибудь в очереди постоять. И, если так сидеть вот и думать – целая жизнь с ними прошла. Маленькая, скромная и уютная.

А потом ты увеличиваешься, и куда-то тебя из этой маленькой жизни выталкивает, и сама выталкиваешься, и несешься вдаль, а они, уже старики, все равно тебе рады, когда забежишь, хоть ненадолго. Или хотя бы позвонишь. Элла, как отмечалось, после школы переехали с родителями ближе к площади Ленина, далеко стало ездить к старикам на Западный и лениво, честно говоря. Тут студенчество, подружки, мальчишки, учеба... Родственники – родственниками, а у меня личное, свой путь, своя – моя, а не ваша, жизнь. Надолго ты вообще забываешь о них, стариках. Ведь

они ВСЕГДА там, ждут тебя в гости – обедом накормят, если нужно, немножко помогут с деньгами, и переночевать, и поболтать. Болтовня уже не та, правда. Не станет же Элла обсуждать с бабушкой, какие у Вадика, Эллиного давнего уха-жера, сильные плечи и как она вся замирает, когда он прикасается к ней, про то, как она провела ночь выпускного, как проводит ночи теперь. Может кто с бабушками такие вещи и обсуждает, но для Эллы – немыслимо. Да и бабушка ведь смотрит на нее как на деточку, хоть деточка уже выше бабушки и сама готова ей рассказать о жизни всё. Эличка, малышечка, подлить чайку?

А с дедушкой иногда, слово за слово, и зацепятся – о политике, о положении вещей, о замужестве, которого почему у Эллы нет, уже бы пора. Что вот дедушка, старый, сидящий у телевизора вообще может понимать в современной жизни? Он же ее не видит, жизнь. И компьютера у него нет, а по телевизору всё только врут. Дедушка не читал целую лавину книг, которую читала Элла. О чем с ним всерьез разговаривать? Даже слово «психология» для него – диковинное и ничего не обозначает. Но это мелочи, если выдохнуть. Элла всегда относилась к бабушке и дедушке скорее с теплотой. Но отстраненность, да, нарастала. Всегда знала, что к ним вот, например, сегодня можно заехать. Или завтра. Нет такого дня и часа, когда они бы сказали – сейчас мы заняты. И Элла заезжала, иногда. Бывало собиралась, но потом меняла решение, ехала куда-то еще, оставалась где-то одна или не

одна. Бабушка и дедушка всегда там, всегда успеешь к ним. А потом умерла бабушка. А спустя буквально год, полгода назад, умер и дедушка.

Их забрала темнота. Что? Теперь ее там, в скромной двухкомнатке, вообще никто не ждет. Мама, бабушка с дедушкой – ее родители, с сестрой скоро продали квартиру, поделили наследство. Странно было Элле, это уже после студенчества, что ей больше не к кому ехать на Западный. А она обдумывала иногда, о чем бы таком спросить бабушку и дедушку, из их молодости, например. Но спрашивала редко и много так и не спросила. Теперь остались только их альбомы с черно-белыми фото и еще несколько с цветными, где стариков уже проще узнать. Рассматривая снимки последовательно, вдруг понимаешь, как незаметно люди стареют, когда ты рядом. А вот так. Фото одного года, фото через десять лет – видишь – дедушка из рослого молодца превращается в подсохшего дяденьку, потом в дедушку с нелепо вывалившимся животом. Бабушка – симпатичная, улыбается, с косами. Вот постарше, с короткой стрижкой, в аккуратном платье. И так далее, до седых волос, последние фото буквально прошлого года. Взгляд бабушки – древний, подбитый, но все еще теплый и живой.

Элла отчетливо вспомнила то фото. Бабушка глядела с него, такая близкая. Странное ощущение наполнило Эллу. Если бы она сказала о нем своей подруге Маше, то сказала бы так – второе знакомство, узнавание, возвращение. Как после

сна, после всей этой юности – снова хочется налить чаю и поболтать с бабушкой так, как это было в детстве. Или уже по-новому. Спросить, как бабушка вела себя в тех или иных ситуациях, как видела жизнь. Может даже поплакать у нее на плече, чтобы выплакать обиды на кого-то, выплакать страх, чувство бессмысленности. И подойдет дедушка: «Ну что там с нашей малышечкой?» и положит ей легонько на голову ладонь, буквально на пару секунд. Такую большую и сильную ладонь и так бережно, что кажется это не ладонь а свет.

Рабочий день неожиданно заканчивается. Шесть тридцать. Начальство пишет, что завтра утром митап, от Эллы ждут конкретные цифры и предложения, чтобы не как в прошлый раз. Элла идет в уборную, освежается, слегка причесывается. Возвращается к рабочему месту, кидает мобильник в сумку, усыпляет ноут, гасит маленькую настольную лампу. Темно. Она мельком припомнила похороны, безжизненные и почти неузнаваемые тела своих стариков...

На улице огрызки снега, водичка и вообще хмурый вечер. Серенько и зябко. Всё это заупокойно обсыпано расслаивающимися фонарями, электрическими звездами. Они светят, сияют, но никакой загадочной жизни в них нет. Вспоминается, дедушка достал простенький и небольшой, по меркам специалиста, телескоп, увлекался когда-то, и внучка вдруг открыла звезды, планеты, увидела их, буквально побывала там, в космосе. Смотрели почти каждый вечер на балконе. Дедушка с интересом поглядывал на внучку и покуривал са-

мокрутку, смотрел в ночное небо и думал о чем-то своем.

Вспомнилось, как же интриговало то, что там. Мир без границ – непознанный, искрящийся и молчаливый. Вперед, открывать его, деда! Мы обнимем его весь, этот мир, у нас будет так много приключений. Но однажды, чуть позднее, этот далекий мир впервые показался ей чуждым и страшным, абсолютно и непрозрачно черным. Он говорил новым голосом: «Ничего нет, только темнота. Воздуха нет, никого нет, пусто, слепо». «Всё искрящееся находит тьма». Эличка даже заплакала, а дедушка, пахнувший табаком, обнял ее и сказал, что всё в порядке. Понимал он или нет, что случилось? Стоял ли он так же, подростком, глядя в окно, и не менялся ли мир у него на глазах, только что дружелюбный и манящий, и теперь такой чуждый? Но дедушка сказал ей, «всё хорошо, всё в порядке, ну что ты, Эличка». И ей стало легче. Тьма отступала, пряталась. Тьма никогда не пройдет через дедушку. Если он сказал, что все хорошо, так тому и быть. У него крепкие руки, теплая и сухая кожа на ладонях. Небо всё в звездах.

Она выдохнула дым и подняла глаза вверх, взрослая Элла, на секунду наполнившись приятный предвкушением, но тут же всё сникло, ведь небо сегодня заплыло серыми ватками. Только заменители – фонари, фары, баннеры, экранчики смартфонов.

Дедушку поглотила тьма... Ну уж нет! Не могло так случиться с дедушкой. И с бабушкой. Тогда где они? Умерли.

А это разве не тот случай, когда становится темно и пусто? Нет! А где ты? Может и ты уже одной ногой по ту сторону?

Элла задумалась – с кем она говорит? Идет по улице, покуривает тонкую сигарету, и в уме крутится этот странный диалог. Чувствует себя попеременно маленькой, озадаченной Эличкой и большой, пахнувшей потом и за*бавшейся на работе Эллой. Темнота съедает день, съедает бабушку с дедушкой, съедает малышечку Эличку и ее доверие к жизни, ее ожидания. И самое грустное, наверное... Нет, какая же неприятная мысль. Она появляется и у Элички, и у Эллы, но только вторая может ее осмысленно воспроизвести – тьма съедает тебя сейчас, прямо сейчас. Вначале она пощипывает, потом покусывает, а потом хватается за шкуру и начинает мотать и рвать... Вот таким вечером, в котором так темно быть. Вечер, как и сотня предыдущих. Чем они отличались? Скажите, электрические звезды. Одна такая звезда засияла вдруг ярче – звонит Маша и ее беглый, звенящий голос, все время на позитиве и в энтузиазме.

Э: Алёш.

М: Ну что, Икселька, отпахала на сегодня? Запыхалась? Приветик.

Э: Да, прусь на автобус. Еще на завтра готовить гору работы, пирец...

М: Вах! Я это, что я хотела, ты, ну, не переживаешь, да?

Э: Чего не переживаю?

М: Если хочешь, давай завтра вечером в нашей лампо-

вой рюмочной, а? Всё мне расскажешь, порыдаем. Кста, меня Ирка звала, рядом они с друзьями будут что-то там отмечать, можем потом к ним, и какие-то ребята будут, ну, то есть, ты понимаешь, не всё же тухнуть.

Э: Шама, я подумаю, завтра давай скажу утром, после пыток.

М: Ты не волнуйся, я не хочу тебя ни к чему подталкивать, просто нужно на людей же посматривать. Мало ли что. Я вот недавно, помнишь Гарри, ну Гарик. Я что-то так в этого мудака влипла, а он же таким и оказался, но вчера сбегала к своей психологичичке, она мне сделала типа как отворот только по-научному. То я переживала, а через минуту, ну буквально забыла кто это такой. А вчера смотрю на Лёнчика, ну того, того самого, а он на меня смотрит, вот и чувствую – а что-то может закрутиться. А? Понимаешь, Эльчужка?

Э: Забыла за минуту? В общем... Маша, мне нужно домой, помазаться водой в душе и упасть дрыхнуть. Всё остальное завтра. Сил нет.

М: Я это, Элька, призываю к конструктиву и не париться ни о чем. Ты можешь со мной поговорить. Если хочешь, приди домой, посиди там на горшке, а потом звони, я послушаю хоть вот так, хоть через трубку, обсудим то да сё. Я ведь и скучаю.

Э: Хорошо, если дойду до дома, я наберу, Мыша. Всё, целую тебя липкими губами Гарри.

М: Фу! Целую, девочка. До созвона! Жду!

Нет, Шама была настоящей звездочкой, настоящей подружкой, еще со студенческих лет. И с ней правда можно было болтать, делиться, выпить, разгуляться. С ней все казалось проще, но чем дальше девочки заходили в этот омут космической ночи, который еще называют взрослой жизнью, тем больше боялись. Смеялись, прикалывали друг друга. Но, глядя в глаза, одна другой, они видели там страх, один и тот же, ненадежно прикрытый шелковыми трусиками и бровями, страх, от которого не могли друг друга излечить. Могли только отшучиваться и стараться забыть. Но он подбирался ближе и ближе, забывался на всё менее длительный период. Всё, что вокруг, лишается смысла и направлений. И не потому что все плохо, а потому что все так... Темнеет и мерцает... Раньше сияло, а теперь мерцает.

Здесь и задумаешься, как же бабушка с дедушкой прожили лет... По сколько? По восемьдесят с небольшим. И были такими... Да просто были. Взрослея, Элла замечала в них много чего – где-то, может быть, недалекость, где простоту, местами грубоватость. Но по-настоящему взрослея, прямо вот сейчас, Элла все это пересматривала и понимала, что они всего-то были людьми, со своими закидонами. И более того, людьми, которые смогли прожить жизнь, подарили жизнь ее маме и воспитали саму Эличку, во многом воспитали ее, и дарили ей человеческое тепло до самой своей смерти. Как же они смогли? Она, в свои почти тридцать, буквально изнывала, шла по вечернему городу, обувь то и дело жала ей паль-

цы, прохожие смотрели – пошло, сквозь, грубо, скользко, никак... Дома ждала подушка, может кусочек фильма с перебивками на рекламу ставок на спорт. И нет, одиночество, само по себе – ничего плохого, она не боялась одиночества. Ее тяготила пудовая бессмысленность, сухой остаток бытия. И завтра будет то же. Может хуже. Или у нее было плохое настроение и, похоже, судя по ощущениям, нужно забежать в аптеку, и дело вовсе не в Мише, который напоминает вон тот светофор, мигающий светофор – то он есть, то его нет, то он хочет, то он не хочет, кто из них баба? Она даже ходила однажды к «психологичичке» Машиной, но толком и сказать ничего не смогла, потому что и сказать нечего. В телескопе темно, куда-то делись звезды. Может они отлетели подальше от Элички, или что-то заслонило, что-то огромное и черное заслонило глаз телескопа. Это же она сама ладошкой заслонила, поворачивая телескоп, но так испугалась, так расстроилась. Наверное, сама? Сама заслонила окуляр. Сама себя напугала.

Дедушка из темноты обнял ее и сказал, что все будет хорошо. И всё стало. Запах табака. Они вместе пошли на кухню, дедушка говорит: «Нина Федоровна, ставь чайник. Будем чайовничать». Весело так сказал. Бабушка поставила, и вот они сидят, пьют. Что-то говорят, но неважно, что именно. Бабушка улыбнется, посмотрит куда-то, и вспомнилось ей вот, из молодости. И глаза у бабушки ясные такие. Откуда эта ясность в твоих глазах, бабушка? Что такого хороше-

го ты увидела в жизни, что донесла это до старости? Простая бабушка. Я ведь помню, это у тебя было до самой смерти, даже в совсем изжитых глазах. И вот, пили чай, горячий чай, в теплом свете ламп накаливания. Кажется, это еще и зима, рядом горячая батарея. Дедушка хлопает себя по колену, вспомнив что-то, и рассказывает нам с бабушкой. И бабушке смешно, и малышечке тоже, хотя не совсем понятно, что именно в рассказе дедушки было забавного. Но им же весело. Лампы накаливания – какой от них шел живой свет... Там и тогда, на кухне, они были как солнце. Дедушка зачитывал анекдот из газеты, и Эличка с бабушкой хохотали.

Транспорт в это время, если ехать из центра на Северный – место, где нужно погрузиться в себя и просто ждать, ехать аж до Горизонта, где автобус буквально выдыхает шквал пассажиров. На глаза Элле попадает бабушка. Плотненькая, слегка сгорбленная. Элла уступила бы ей место, если бы сидела, но она стояла, прижатая к средней двери. Да нет, та бабушка ничем не напоминала свою, родную, но тоже ведь была бабушкой. Прошедшей свой путь. Набралась ли она мудрости житейской? Даже если ничего в жизни не достигла. А чего достигли старики Эллы? Для нее это не имело никакого значения – вот какое открытие она только что для себя сделала. С каждой минутой Элла ощущала нарастающую тоску по старикам, не хватало их. Эта бабушка, покачивающаяся в тряске автобуса, держащаяся сморщенной рукой за поручень... Она держалась. Автобус качало, вокруг нее были чу-

жие люди, над ней светила автобусная лампа, и она держалась за поручень, держалась буквально за самую жизнь, старой рукой, слабой рукой, но уверенно. Тут одна мерзкая, по версии Эллы, девчонка, наконец-то оторвавшаяся от мобилы, подняла задницу с кресла и предложила бабушке сесть. Та сказала: «Спасибо, внучка», расцепила руку и немного грузно уселась на освободившееся место. У Эллы на глаза навернулись слезы, она опустила голову и прикрыла веки, чтобы никто ничего не увидел. Никто и не посмотрит, наверное, но все равно не хотелось показываться.

Как и было предсказано, автобус выплюнул почти половину содержимого на Горизонте. Элла посмотрела на сияющего гиганта, на ТЦ, подумала, что можно было бы прогуляться по нему, как-то отвлечься. Туда шли толпы, оттуда. Ныряли в поддельный свет и выныривали из него с красивыми пакетами, коробками, упаковками еды. Элла поняла, что так сегодня не получится. «Ты звонила бы нам Эличка» – звучало у нее в голове, и она снова вернулась к более поздним воспоминаниям.

Почему она так редко их навещала? Ведь всё было здесь – они, чай, эти комнатки. С ними вдруг стало не о чем говорить, и они чувствовали, что да, Эличка растет, меняется. Что-то разрасталось между ними. Между ней и стариками. Темная завеса. И общения становилось меньше, меньше, меньше. А потом неожиданно, хотя какой идиот мог ждать другого развития событий, эта дверь закрылась, темнота за-

брала дедушку с бабушкой. Вначале бабушку. Элла, идя домой и на ходу закуривая, буквально оказалась в комнате, где дедушка смотрел телевизор. Он молчал, он смотрел в экран. Что он чувствовал, оставшись один, прожив с супругой лет пятьдесят? Он реже выходил на балкон, зрение сбоило, реже он открывал окна, почти не курил только если пару раз в день. Тогда у Эллы были свои заморочки. Она редко навещала деда, беседы с ним как-то не шли. Но он все равно был приветлив и, казалось, в нем еще много жизни. Она думала, что найдет с ним общий язык, по-новому. И он умер. Совсем недавно.

«Ты заходи почаще, позванивай, Эличка», «Заходи, Эличка, когда захочешь», «Ждем, Эличка». «Как у тебя дела, Эличка? Всё в порядке?». Но не с ними же обсуждать это и то, ссоры в универе, любовь, тусы, потом работу, всё, что на работе. Но кто еще так спросит, в порядке ли у тебя всё? Так, чтобы это было важно. Мама с папой – да, но ощущения другие. Родители стояли ближе, а это действовало двойко. Именно мир дедушки и бабушки был далеким миром ее детства, именно он.

Элла зашла в квартиру, постыгивала с себя вещи, забросила в микроволновку котлету из морозилки и пошла купаться. Взялась за металлический поручень душевой, посмотрела на свою руку. Поручень был холодным, в нем отражалась Элла – голая, грустная, замученная и буквально вся, как душа, отправляющаяся на суд. Око судьи ничего не говорило ей, ни

в чем не обвиняло, оно просто показывало ей ее саму. Просто ее саму... Элла смотрела на свою руку, неловко обхватившую запотевающий металл. С трудом держится. Свет в ванной заморгал. Проводка. Квартирка в старом фонде, ничего такого. Это темнота. Она шепчет Элле. Она забирает ее маленькими частицами, каждый вечер и каждый день. Забирает неизвестно куда, за что, и к чему всё идет. Но забирает не потому что тьма такая жестокая, она просто хищник. Забирает потому что Элла дает это сделать, потому что Элла просто стоит посреди дремучих джунглей, кровоточит и не знает, что делать. Звезды теряются в темноте.

Элла передернулась всем телом, зашла под капельки. Они стучат по ней, а она стоит, скрестив руки на груди и смотрит влажными глазами вниз. Пар закрыл всё. Он темнел и обволакивал ее. Он, кажется, шептал что-то. Он приглашал ее слиться с ним и исчезнуть. Навсегда потеряться в своих пустотах. Она уже была потеряна. Давно уже потерялась... Где-то здесь всё начинается, где-то здесь и заканчивается. В бесплотном тумане. И ей вспомнился разговор с бабушкой, Элла обещала позвонить им с дедушкой, как только доберется до дома. Был вечер, они волновались. Да они вечно за нее волновались. А чего за нее волноваться, ведь она на такси, и ей уже двадцать семь лет? Дальше получилось так, что она поехала не домой, а к Мише, так и не попала домой. Так и не добралась... И не позвонила старикам. Тогда было туманно. Может быть ей сейчас это чудилось, она не могла вспомнить

– неужели буквально после этого, через пару дней, умерла бабушка? И Элла так и не позвонила. Так и не поговорили больше. С человеком, который как никто мог утешить Эличку, поддержать. И гораздо позднее, когда она уже и не подумала бы плакаться старикам, само их присутствие успокаивало ее. Даже когда они ее немножко злили, когда она была недовольна их старческими, отсталыми рассуждениями. Она до сих пор не добралась домой... Потерялась в обманчивых зарослях тумана. И что же ты будешь делать? Тьма подкрадывается, она спускается за тобой...

В душевой кто-то плакал. В клубах пара был кто-то и рыдал. Элла вглядывалась. Вглядывалась еще. Там, если немного пройти вперед, сидела, обняв колени, обнаженная девушка. Элла подошла к ней поближе, буквально разводя перед собой кулисы пара. Маша? Маша подняла на нее взгляд, подводка разлилась по всему ее лицу, глаза красные, заплаканные.

– Элька...

– Маша? Ты чего? Как ты тут очутилась?

– Эль, у меня такое впечатление что мы не справляемся. Да мы просто не выдерживаем, – пробормотала подружка подавленным голосом.

– Ну да, не справляемся, – ответила Элла.

– У тебя вот Миша. Да, я знаю, что вы почти всё, разбежались, но у вас, я тебе точно говорю, было вот это тепло, между вами было. Любовь. Сама я никогда такого не испы-

тывала, но это оно. И раз – у вас ее больше нет, любви. Больно это?

– Я не знаю, что у нас теперь. Больно, да.

– Иксэлька, ты думаешь, что я тебя трясу, названиваю тебе, только потому что я хорошая подружка или потому что плохая, надоедливая, а на самом деле, ну мне конечно важно, как ты там, но мне самой нужно тебя слышать, с тобой говорить. Ты видишь то же что и я, эту всю безнадегу, эту всю пыль. Свет гаснет, гаснет, да?

Вокруг правда становилось темно.

– Да. Я думала, что ты, Маша, не так это всё остро ощущаешь.

– А я думала ты. Но видишь, мы обе здесь, в этом тумане. Мы обе потеряшки. И мне так хочется упасть кому-то на руки и просто тихонечко выть, а потом уснуть навсегда. Элька, навсегда. Куда делось то что у нас было? Почему раньше мы так тянулись сюда, к всему взрослому, бежали вперед?

– Потому что хотели узнать, как это. Думали, что уже знаем, как это классно и стремились сюда, Маша. Наверное, поэтому. А теперь не знаем, что с этим делать.

– И теперь всё катится мимо. И ты... У меня же никого нет. У меня мама ушла еще в детстве, папа недавно. Да я и не помню ничего хорошего, светлого от них. И у меня только ты, вот буквально как мама мне. Никогда тебе не говорила, но ты мне не только подружка, но и мама или бабушка. И я тянусь к тебе все время. А ты все дальше и дальше от меня.

Маша помолчала. Потом ее глаза застыли на Элле, и она сказал медленно:

– Давай останемся здесь. Вместе, а? Просто вот здесь, Элька. Навсегда. Никуда не пойдем. Обнимемся и разделим последние крошки тепла. Так холодно... Там ничего вокруг не осталось для нас. Никто нам больше не подарит тепла и света, никто. Всё закончилось. Мы не удержимся. Нам не выбраться.

Маша сказала это и потянулась к Элле. И Элла инстинктивно подалась навстречу, но что-то промелькнуло где-то там, как блик, как солнечный зайчик, и она увидела... Увидела, как страшно неестественно тянется к ней подруга, как холодны у Маши глаза. «Не закрывай ладошкой здесь, а то ничего невидно будет, еще и линзу запачкаешь, малышечка», – говорил дедушка. Элла отскочила назад, подальше от Маши, и больно стукнулась головой о стенку душевой. Она снова была в своей ванной. Она, собственно, никуда отсюда и не девалась. Это темнота. Это она все сделала. Свет в ванной окончательно погас.

Элла буквально выпрыгнула из душевой, не накинув полотенце, даже не обтершись. В комнате зябко, но неизмеримо холоднее было там, под душем. Сердце стучало, из глаз вырывались слезы. «Мы всегда тебе рады, малышечка». Она схватила мокрой рукой мобильник, смахнула с него капельки и начала листать контакты. «Бабушка» – так у нее был записан их телефон. Что она хотела? Позвонить? Но бабушки

нет. И дедушки. Вообще нет. Бабушка говорила, что можно всегда позвонить. На экране всплыли какие-то рассылки, письма, сообщения, в том числе что-то от Миши, Маша спрашивает «что, когда уже наберешь??», звонит, Элла сбрасывает, набирает «не сейчас», звонит тут же Миша, Элла сбрасывает, «не сейчас» набирает она, зависнув на пару секунд. Снова контакты. «Бабушка». Элла жмет на набор номера. Просто жмет и всё. И слушает. Номер не обслуживается. Элла вспомнила как Эличка обнимала бабушку перед сном. Нет, нельзя вот так застыть. И снова нажала на зеленую трубку. Номер не обслуживается. Механический голос сообщал не то. Голос темноты. Эличка плакала, руки у нее дрожали, и она спрашивала себя, почему она так редко им звонила. Почему не звонила буквально каждый день, почему так редко, почему. Она снова нажимает на трубку, снова и снова, сидя на полу. Из ванной почти вываливается пар, стараясь дотянуться до Элички, линолеум под ней весь заплыл лужей. Она звонит еще и еще. Потому что бабушка с дедушкой говорили, что она может позвонить, когда угодно. Позвонить и прийти. И пусть позвонит, обязательно позвонит, когда придет домой. И если не придет, да? Все равно ведь нужно позвонить. Позвонить домой. Темнота не могла забрать ее у них и их у нее. Темнота, которую она увидела в телескопе, космическая и зловещая тьма, зависшая над миром, ее ладошка. Дедушкина самокрутка вспыхивала и угасала. Дым вился вверх, к небу. Дедушка, бабушка...

В трубке пошло длинные гудки. Длинные как вечности в большом и бездыханном космосе. Еще гудок. Еще один. Шипение, помехи. Кто-то очень далеко поднял трубку.

– Алло, слушаю.

– Бабушка??

– Эличка? Это ты?

– Да...

– А что же ты так поздно звонишь? Мы с дедушкой уже спим... И давно...

– Прости, бабушка... Я... Я просто... Не сразу вспомнила...

– У тебя всё в порядке, малышечка?

Элла захлебывалась, у нее не было сил сдерживать плач. Бабушкин голос, такой теплый и родной.

– Простите меня, что я так давно не звонила... И что не позвонила тогда.

– Василий, не беспокойся, это Эличка звонит.

– Здравствуй, Эличка. Ну ты и припозднилась, деточка, – дедушка отозвался. Голос озадаченный, но тот самый голос.

– Дедушка! Простите... Неужели совсем? Совсем поздно?

– Мы тебе всегда рады, малышечка, ты же знаешь.

– Правда?

– Конечно, это дедушка просто так, распереживался. Всегда рады, очень рады тебя услышать, родная. Спасибо, что ты позвонила, мы ведь волнуемся, – снова бабушка.

– Волнуетесь? За меня?

– Разумеется. Ты уже большая, но там ведь темно. Переживаем. Мы верим, что все у тебя будет хорошо, но и волнуемся. Всегда так было, – сказала бабушка.

– А вы?

– И у нас всё в порядке. Что нам? Всё в порядке, Эличка, – ответила бабушка.

– Ты по темноте старайся поменьше броди, ладно? Хотя, совсем уж ее никто не избегал, никогда. Ну что, доберешься? – дедушка.

– Я... Да. Так темно вокруг и пусто иногда. И бывает очень холодно. Но... Я доберусь. Доберусь. Вы не волнуйтесь, дедушка, бабушка. Я доберусь, у меня все будет в порядке. Спите. Я вас очень люблю. И скучаю. Спите.

Элла, укутавшись в халат, сидела у окна, в руках ее была кружка горячего чая, телефон мирно лежал рядом. Нужно позвонить Маше, она же хотела поговорить. Нужно побереечь Машу. Да и не только ее. Элла смотрела в ночное небо. Оно, как и вчера, как и позавчера – такое же, но... Она подняла руку и ладонью поводила перед глазами, закрывая себе вид. Опустила ладонь и едва улыбнулась. Над Эллой парил гигантский космос, черный и неопознанный, и в нем зажглись, одна за другой, несколько ярких звезд.